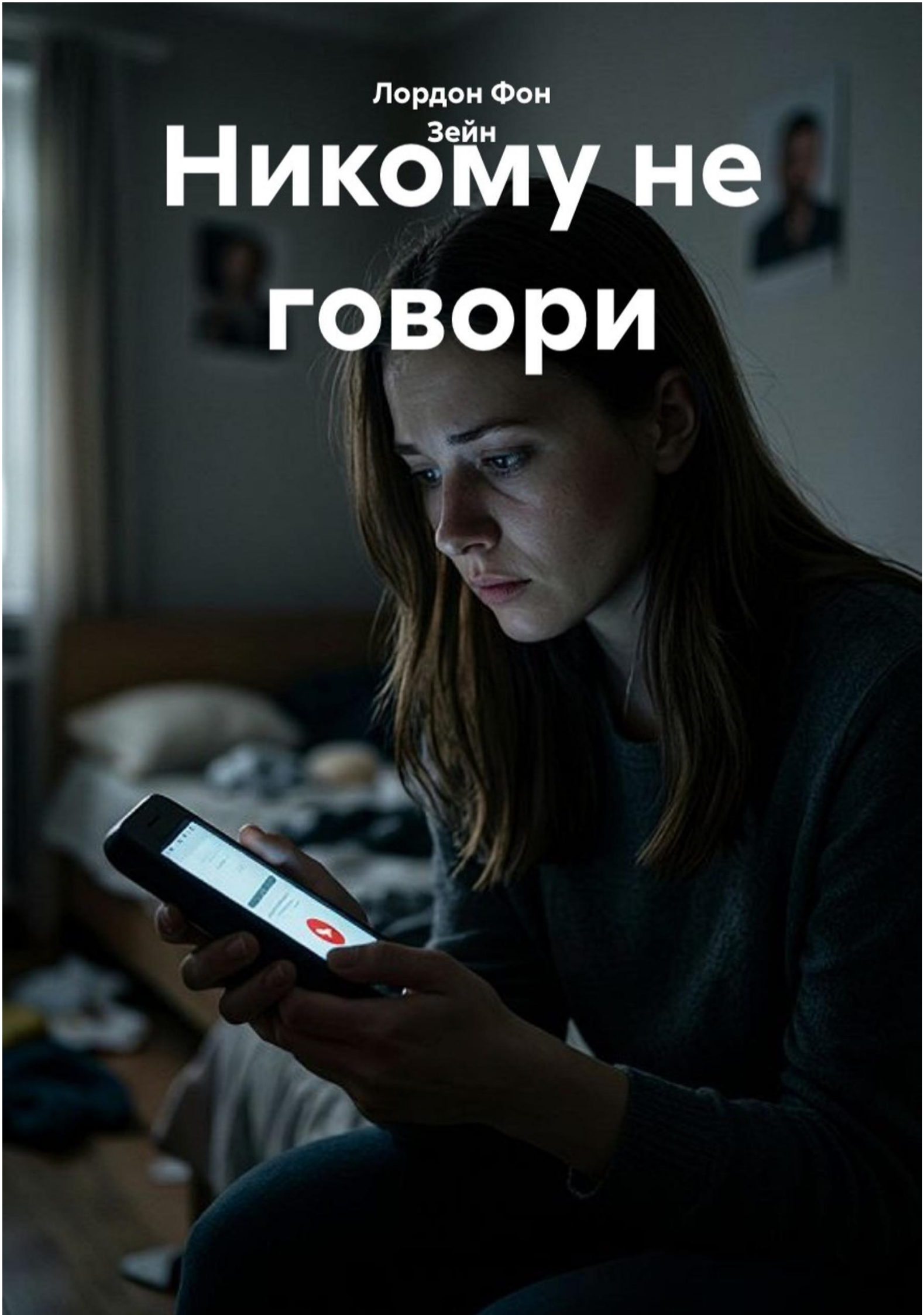
Лордон Фон Зейн

Никому не говори

Лордон Фон Зейн

Никому не говори

«Автор»
2026

Фон Зейн Л.

Никому не говори / Л. Фон Зейн — «Автор», 2026

Не говори никому.Девять дней назад Анна похоронила мужа. Несчастный случай: машина вылетела с моста. Она осталась одна с семилетней дочерью, с пустой квартирой и с тишиной, к которой невозможно привыкнуть.А потом она включила его старый телефон.Неотправленное голосовое. Сорок три секунды. Голос Марка — быстрый, сдавленный, будто он знал, что времени мало: «Анна. Если ты это слышишь — не говори никому. Ни полиции. Ни маме. Никому. Ключ в...»Запись обрывается.Анна не идёт в полицию. Она молчит — как он просил. Но чем дальше она копает, тем яснее понимает: её идеальный муж был не тем, кем казался. За домом следят. Дочь знает больше, чем говорит. А в сером мишке, который Лиза не выпускает из рук, спрятано что-то, что Марк оставил на случай, если всё пойдёт не так.Кому можно верить, если он запретил говорить всем? И что случится, если она всё-таки скажет?Психологический триллер о семье, лжи и цене молчания — для тех, кто не сможет остановиться после первой главы.

© Фон Зейн Л., 2026
© Автор, 2026

Никому не говори

Глава 1

Телефон Марка лежал в коробке из-под обуви, между старым зарядным и моим паспортом, который я потеряла три года назад.

Я не искала его. Я вообще ничего не искала в тот вечер. Просто стояла в кладовке, держала коробку и думала: «Ну вот. Теперь можно выбросить». Прошло девять дней. Девять дней, как его нет.

Кладовка у нас маленькая, тесная, с одной лампочкой на потолке, которая мигает, если долго горит. Я стояла в этом мигающем свете и смотрела на коробки. Их было много. Больше, чем я думала. Коробка с зимними вещами, коробка с Лизиными рисунками, коробка с проводами, от которых мы никогда не избавлялись, потому что «а вдруг пригодится». И вот эта. Без подписи. Просто обувная коробка, заклеенная скотчем, которую Марк держал на верхней полке.

Я полезла на стремянку. Не знаю зачем. Наверное, просто чтобы чем-то занять руки. Чтобы не сидеть в пустой квартире и не слушать, как тикают часы в коридоре. Девять дней тишины — это очень много. Я думала, что привыкну. Не привыкла.

Коробка оказалась тяжелее, чем выглядела. Я сняла её с полки, поставила на пол и села рядом на корточки. Скотч был старый, пожелтевший, но держался крепко. Я подцепила его ногтем, потянула. Он порвался с сухим треском, и в кладовке запахло пылью и чем-то ещё — старым картоном, чужими вещами, прошлым.

Внутри лежало зарядное устройство, потрёпанный блокнот, несколько монет, моя фотография — та, где мне двадцать пять и я смеюсь на фоне моря, — и мой паспорт. Тот самый, который я потеряла три года назад. Я тогда перевернула весь дом, обзвонила все места, где могла его оставить, и в итоге пошла получать новый. А он всё это время лежал в коробке на верхней полке. Марк, наверное, нашёл его и убрал. И забыл сказать. Он часто что-то убирал и забывал говорить. Это была его манера — навести порядок так, чтобы никто не заметил.

Я отложила паспорт и взяла в руки телефон.

Старый, с потёртым чехлом, с трещиной в углу экрана. Тот самый, который Марк «сдал в ремонт» за день до смерти. Он говорил, что экран глючит и что мастер обещал посмотреть. Я тогда не придала значения. Мало ли, ремонт. Теперь я смотрела на этот телефон и чувствовала, как внутри что-то холодеет.

Я нажала кнопку. Экран загорелся холодным белым светом, и я вздрогнула — как будто кто-то в пустой квартире позвал меня по имени. Зарядки осталось немного, процентов десять. Я подумала, что надо бы найти зарядное, но не сдвинулась с места. Просто смотрела на экран.

Уведомления сыпались одно за другим: реклама, напоминания, старые сообщения от меня самой — «купи хлеб», «ты где?», «позвони маме». Я пролистывала их, и внутри что-то сжималось. Вот она, наша жизнь. Хлеб. Мама. Ты где. Обычные слова, которые мы говорим друг другу каждый день, не думая, что однажды они станут последними.

Я листала дальше. Фотографии. Лиза на качелях. Лиза с мороженым. Лиза спит, свернувшись калачиком, и одеяло сползло на пол. Я смотрела на эти фотографии и чувствовала, как к горлу подкатывает ком. Я знала эти фотографии. Я сама их делала. Но видеть их сейчас, в телефоне, который должен был быть в ремонте, было странно. Как будто я подсматривала за чужой жизнью. Как будто это была не наша жизнь, а какая-то другая, аккуратно сложенная в этот телефон.

Потом я зашла в сообщения. Ничего особенного. Рабочие чаты, переписка с каким-то Сергеем про встречу, несколько сообщений от меня. Я открыла наш с ним диалог. Последнее сообщение было моё, отправленное в тот день, за час до аварии: «Ты где? Ужин остывает». Он не ответил. Он уже не мог ответить.

Я закрыла сообщения и почти выключила телефон. Почти. Но что-то меня остановило. Какая-то мелочь, какая-то деталь, которая царапнула сознание. Я вернулась на главный экран и увидела значок диктофона. Приложение было открыто. И там, в списке записей, висело одно голосовое. Неотправленное. Длительность — сорок три секунды. Дата — за час до того, как машина Марка вылетела с моста.

Я смотрела на этот значок и не могла пошевелиться. В кладовке было тихо. Так тихо, что я слышала, как мигает лампочка. Как тикают часы в коридоре. Как стучит кровь в ушах.

Я нажала «воспроизвести».

Сначала был шорох. Потом его голос. Тихий, быстрый, как будто он боялся, что его услышат.

«Анна. Если ты это слышишь — не говори никому. Ни полиции. Ни маме. Никому. Ключ в...»

И тишина. Запись оборвалась.

Я прослушала ещё раз. Потом ещё. На четвёртый раз я уже сидела на полу между коробками, и у меня дрожали руки так, что я не могла попасть пальцем по кнопке. Я слушала его голос снова и снова, и каждый раз он звучал всё более чужим. Марк говорил быстро, сбивчиво, сдавленно. Так говорят люди, которые знают, что времени мало. Так говорят, когда за спиной стоит кто-то, кого не должно быть.

«Ключ в...»

Ключ в чём? В чём, Марк? Где?

Я попыталась вспомнить, что было в тот день. Утро. Обычное утро. Он ушёл на работу раньше, чем обычно, сказал, что много дел. Поцеловал Лизу в макушку. Мне сказал: «Не жди к ужину». Я не ждала. Я вообще ничего не ждала. Я готовила ужин, как обычно, и думала о чём-то своём, о каких-то глупостях, о том, что надо купить Лизе новые колготки и что в холодильнике заканчивается молоко.

А потом позвонили. И сказали, что машина вылетела с моста. И что шансов нет.

Я не помню, как добралась до морга. Не помню, как мне показывали его. Не помню, как я подписывала бумаги. Помню только, что в какой-то момент оказалась дома, на кухне, и мама поила меня чаем, и чай был слишком сладкий, и я не могла его пить, но пила, потому что мама смотрела.

А теперь я сидела на полу в кладовке и слушала, как мой муж — мёртвый уже девять дней — говорит мне: «Не говори никому».

Я выключила телефон. Экран погас, и в кладовке стало ещё темнее. Я сидела в этой темноте и пыталась думать. Но мысли разбегались, как тараканы, когда включаешь свет. Я хваталась за одну, за другую, и всё было не то. Я думала: «Надо позвонить в полицию». И тут же думала: «Он сказал не говорить полиции». Я думала: «Надо позвонить маме». И тут же: «Он сказал не говорить маме». Я думала: «Это бред. Он был в шоке. Он нёс чушь». И тут же: «Нет. Он говорил чётко. Он говорил быстро и чётко. Он знал, что говорит».

Я не знаю, сколько я так просидела. Час. Два. За окном стемнело. Лиза спала в своей комнате, и я слышала, как она во сне что-то бормочет. Я встала, кое-как, держась за полку, и пошла к ней. Она спала, раскинувшись на кровати, одеяло сбилось в ноги. Я поправила одеяло, поцеловала её в лоб и постояла рядом, слушая её дыхание. Ровное, спокойное. Детское.

А потом я вернулась в кладовку и снова включила телефон.

Я не пошла в полицию. Я вообще ничего не сделала. Я сидела на полу, смотрела на экран и думала только одно: почему он сказал «маме»?

Потому что моя мать — единственный человек в мире, которому я рассказываю всё.

И он это знал.

Я открыла галерею. Не знаю зачем. Наверное, искала что-то. Какую-то зацепку. Что-то, что объяснит мне, что происходит. Я листала фотографии, и их было много. Больше, чем я

ожидала. Снимки документов, какие-то квитанции, скриншоты переписок. Я остановилась на одной фотографии. Незнакомая машина, припаркованная у нашего подъезда. Тёмная, с номером, который я не смогла разобрать. Дата — за две недели до аварии. Потом ещё одна. Та же машина, но уже в другом месте. У работы Марка. И ещё одна. И ещё.

Я листала и чувствовала, как внутри растёт что-то холодное и тяжёлое. Это не были случайные снимки. Он их делал специально. Он фотографировал эту машину. Значит, он знал, что за ним следят. Значит, он что-то подозревал. Значит, он готовился.

Я вернулась к голосовому сообщению. Прослушала ещё раз. «Ключ в...» Я закрыла глаза и попыталась представить, что было дальше. Что он хотел сказать? Ключ в двери? Ключ в машине? Ключ в чём-то, что я должна найти? Я вспомнила, как он иногда прятал вещи. Он любил прятать. Говорил, что так интереснее жить. Я вспомнила его блокнот. Тот, что лежал в коробке. Я взяла его в руки. Потрёпанный, с загнутыми уголками. Открыла. Внутри — записи. Список дел. Какие-то адреса. Номера телефонов. И на последней странице — фраза, написанная его почерком, крупно, с нажимом: «Если что-то случится — ищи в старом месте».

Старое место. Что за старое место? Я не понимала. Я вообще ничего не понимала. Я сидела в кладовке, с блокнотом в руках, и чувствовала, как земля уходит из-под ног. Всё, что я знала о своей жизни, о своём муже, о нашей семье, вдруг оказалось каким-то другим. Не тем, чем казалось. И я не знала, что с этим делать.

Я закрыла блокнот. Положила его обратно в коробку. Посидела ещё немного. Потом встала, выключила свет и вышла из кладовки, прикрыв за собой дверь.

В коридоре было темно. Я прошла на кухню, налила воды, выпила. Посмотрела на часы. Половина первого. Я не помнила, как прошёл вечер. Я не помнила, как уложила Лизу. Я вообще ничего не помнила.

Я легла в кровать, но не могла уснуть. Лежала и смотрела в потолок. И слушала его голос. Снова и снова. «Не говори никому. Ни полиции. Ни маме. Никому».

Я думала: а кому тогда? Кому я могу сказать? Кому я могу доверять, если он запретил говорить всем?

И тут я поняла. Он не запретил. Он предупредил. Он знал, что если я кому-то скажу, что-то случится. Что-то плохое. И он пытался меня защитить. Даже там, за час до смерти, он думал обо мне. Он думал о том, чтобы я была в безопасности.

Я повернулась на бок и закрыла глаза.

Утром я ничего не сказала Лизе.

Утром я ничего не сказала Лизе.

Она сидела за столом, болтала ногами, которые не доставали до пола, и рисовала. Лиза всегда рисует, когда молчит. Я налила ей какао и посмотрела на лист.

На рисунке была машина. Чёрная, с красными колёсами. А рядом — человек. Высокий, в тёмном. Без лица.

— Это кто? — спросила я как можно спокойнее.

— Дядя, — сказала Лиза, не поднимая головы.

— Какой дядя, солнышко?

— Который приходил.

У меня внутри всё оборвалось.

— Когда приходил?

— Ночью. Когда ты спала.

Я присела рядом с ней. Голос не слушался.

— Лиза. Посмотри на меня. Он заходил в дом?

Она наконец подняла глаза. Серьёзные, взрослые, не по-детски спокойные.

— Нет. Он стоял под окном. Долго. А потом ушёл.

— Почему ты мне не сказала?

Лиза пожала плечами и снова взялась за карандаш.

— Папа сказал не говорить.

Я смотрела на неё и не знала, что сказать. Папа сказал не говорить. Папа сказал не говорить. Папа сказал.

— Лиза, — сказала я, и голос у меня дрогнул. — А что ещё папа говорил не говорить?

Она задумалась. Нарисовала ещё одну линию. Потом сказала:

— Что если придёт дядя, надо сидеть тихо и не подходить к окну. И что маме не надо говорить, потому что мама будет волноваться.

Я почувствовала, как у меня холодеют руки. Марк знал. Он знал, что кто-то придёт. Он знал, что за нами будут следить. И он подготовил Лизу. Он научил её молчать. Он научил её бояться.

— Лиза, — сказала я. — А когда папа это говорил?

— Давно. Когда было холодно. И ещё потом. Когда дядя приходил.

— Какой дядя? Тот, что на рисунке?

— Да. Он приходил несколько раз. Я видела.

Я сидела рядом с ней и чувствовала, как внутри всё сжимается в тугой комок. Моя дочь видела, как за нашим домом следит незнакомый человек. Моя дочь знала об этом и молчала. Потому что папа сказал. Папа сказал не говорить маме. Папа сказал, что мама будет волноваться.

А теперь папы нет. И я сижу на кухне, смотрю на рисунок и понимаю, что не знаю, что делать.

Я взяла рисунок в руки. Посмотрела внимательнее. Машина, дядя, окно. И в углу — ещё одна фигура. Маленькая, с косичками. Лиза. Она нарисовала себя. Стоит у окна и смотрит на дядю.

— Лиза, — сказала я. — А ты ему не открывала?

— Нет. Я сидела тихо. Как папа сказал.

— Умница.

Я обняла её. Крепко, может быть, слишком крепко. Она не сопротивлялась. Просто сидела и позволяла себя обнимать. А я думала: что ещё ты знаешь, моя девочка? Что ещё ты видела, о чём не рассказала?

— Лиза, — сказала я, отстраняясь. — А папа тебе ещё что-нибудь говорил? Что-нибудь важное?

Она посмотрела на меня. Долго. Серьёзно. Как будто решала, можно ли мне доверять. И в этот момент я поняла, что моя семилетняя дочь знает больше, чем я.

— Папа сказал, что если что-то случится, надо взять мишку, — сказала она наконец.

— Мишку?

— Да. Серого. Который в шкафу. И никому не отдавать.

Я смотрела на неё и чувствовала, как земля уходит из-под ног. Серый мишка. Тот самый, которого Марк подарил ей на прошлый день рождения. Обычный мишка, я даже не помню, откуда он его принёс. Но Лиза любила его больше всех остальных игрушек. Спала с ним. Брала его везде.

— А что в мишке? — спросила я.

— Не знаю. Папа сказал не открывать. Сказал, что это секрет.

Я встала. Подошла к шкафу. Открыла дверцу и увидела его — серого мишку, сидящего на полке, между куклой и коробкой с пазлами. Обычный мишка. Потрёпанный, с одним ухом, которое Лиза оторвала и которое я пришивала обратно. Я взяла его в руки. Он был тяжёлый. Тяжелее, чем должен быть. Я сжала его и почувствовала под тканью что-то твёрдое. Что-то, что не было набивкой.

— Лиза, — сказала я, оборачиваясь. — Ты знала, что внутри что-то есть?

Она кивнула.

— Папа сказал, что если что-то случится, я должна отдать мишку тебе. И сказать, чтобы ты не говорила никому.

Я смотрела на неё и не знала, что сказать. Моя дочь, моя маленькая девочка, семь лет, носила в себе эту тайну. Она знала, что в мишке что-то есть. Она знала, что папа готовился к чему-то. И она молчала. Потому что папа сказал.

Я села на пол, прямо там, у шкафа, с мишкой в руках. Лиза подошла и села рядом. Прижалась ко мне. Мы сидели молча. Я гладила её по голове и думала: что мне делать? Что мне делать с этим всем?

— Мам, — сказала Лиза тихо. — А папа вернётся?

Я закрыла глаза. Вдохнула. Выдохнула.

— Нет, солнышко, — сказала я. — Не вернётся.

— А дядя?

— Что дядя?

— Он ещё придёт?

Я посмотрела на неё. На её серьёзные глаза. На её спокойное лицо.

— Не знаю, — сказала я честно. — Но если придёт, мы будем тихо. Хорошо?

— Хорошо, — сказала она. И улыбнулась. Как будто я сказала что-то правильное.

А я сидела на полу, с мишкой в руках, и думала: я не знаю, что внутри. Я не знаю, что делать. Я не знаю, кому верить. Но я знаю одно: я не скажу никому. Потому что он сказал. Потому что Лиза сказала. Потому что, может быть, это единственное, что может нас спасти.

Я встала. Положила мишку обратно на полку. Закрыла шкаф.

— Лиза, — сказала я. — Давай не будем пока про это говорить. Хорошо? Никому.

— Никому, — повторила она.

И в этот момент я поняла, что мы с ней теперь заодно. Мы обе знаем то, чего не должны знать. И мы обе молчим.

А вечером позвонила мама.

Я смотрела на телефон и не знала, брать ли трубку. Она звонила каждый день. Каждый день, с тех пор как похоронили Марка. Спрашивала, как я, как Лиза, не нужно ли чего. Я отвечала, что всё хорошо. Она говорила, что приедет на выходных. Я говорила, что не надо, что мы справимся. Она говорила, что я должна быть сильной. Я говорила, что я стараюсь.

Сегодня я не хотела с ней говорить. Но я взяла трубку. Потому что если бы не взяла, она бы приехала. А я не была готова её видеть.

— Анна? — сказала она. — Ты в порядке?

— Да, мам. Всё хорошо.

— Ты какая-то странная.

— Я устала. Лизу укладывала.

— Понятно. — Пауза. — Анна, я хотела спросить. Ты разобрала вещи Марка?

Я замерла.

— Нет. А что?

— Просто спросила. Не торопись. Это тяжело. Но если найдёшь что-нибудь... странное... ты мне скажи.

— Странное? — переспросила я. — Что ты имеешь в виду?

Она помолчала. Я слышала, как она дышит. Как она подбирает слова.

— Не знаю, — сказала она наконец. — Просто скажи. Хорошо?

— Хорошо, мам.

Я повесила трубку.

А потом стояла посреди кухни, смотрела на телефон в руке и думала: она знала, о чём я спрашиваю. Она знала, что я что-то нашла. Она знала, что в вещах Марка есть что-то странное. Откуда она знала?

Я вспомнила, как Марк говорил про маму. Он всегда был с ней вежлив, но как-то настороженно. Как будто не доверял. Я думала, что это из-за того, что они не сошлись характерами. Он был замкнутый, она — общительная. Он не любил гостей, она любила приезжать без предупреждения. Я думала, что это просто разные люди.

А теперь я думала: а что, если это было не просто?

Я вернулась в кладовку. Достала блокнот. Открыла на последней странице. «Если что-то случится — ищи в старом месте». Я закрыла глаза и попыталась вспомнить, что он называл старым местом. У нас было много мест. Квартира, в которой мы жили до этой. Дача, которую мы продали. Гараж, который мы снимали. Я перебирала в памяти, и ничего не всплывало. Ничего конкретного.

Я взяла телефон. Зашла в заметки. Там было несколько записей. Списки покупок. Какие-то адреса. И одна запись без названия, датированная за три дня до смерти. Я открыла её. Там было только одно слово: «Ключ».

Просто «Ключ». И всё.

Я смотрела на это слово и чувствовала, как внутри всё сжимается. Ключ. «Ключ в...» Ключ где? В старом месте? В мишке? Где?

Я не спала этой ночью. Лежала в кровати, смотрела в потолок и думала. Я думала о Марке. О том, каким он был. Тихий, спокойный, надёжный. Он никогда не повышал голос. Никогда не говорил лишнего. Он был тем человеком, на которого можно положиться. Он был опорой.

А теперь я думала: а что, если он был не тем, кем казался? Что, если всё это время рядом со мной жил человек, которого я не знала? Что, если его смерть — не случайность? Что, если это было... что-то другое?

Я повернулась на бок. Посмотрела на Лизу, которая спала в своей комнате, через стенку. Я слышала, как она дышит. Ровно, спокойно. Я думала о том, что она видела. Что она знает. Что она хранит в себе. И я думала: я должна её защитить. Любой ценой.

А потом я подумала: а что, если цена — это правда? Что, если, чтобы её защитить, я должна узнать, что произошло на самом деле? Что, если я должна найти ключ? Что, если я должна понять, что за человек был мой муж?

Я закрыла глаза и представила его лицо. Его спокойное, доброе лицо. Его улыбку. Его руки. И я подумала: кто ты был, Марк? Кто ты был на самом деле?

Ответа не было.

Была только тишина. И его голос в голове. «Не говори никому».

Я не скажу. Пока не скажу. Но я найду. Я найду ключ. Я найду правду. И тогда решу, что с ней делать.

Утром я первым делом пошла в кладовку и достала мишку.

Глава II

Утром я первым делом пошла в кладовку и достала мишку.

Лиза ещё спала. Я знала, что у меня есть, может быть, полчаса. Полчаса тишины, пока она не проснётся и не начнёт свой день — с какао, с карандашами, с вопросами, на которые у меня нет ответов. Я стояла в кладовке, держала серого мишку в руках и смотрела на него так, как будто видела впервые.

Обычный мишка. Потрёпанный, с одним ухом, которое я пришивала обратно прошлой зимой. Лиза тогда плакала, что мишка «сломался», и я сидела полночи с иголкой и нитками, потому что не могла видеть её слёз. Марк тогда сказал: «Купи новый, зачем мучиться». А я сказала: «Он любимый». И пришила ухо. Криво, но крепко. Лиза была счастлива.

А теперь я сжимала этого мишку и чувствовала под тканью что-то твёрдое. Что-то, что не было набивкой. Я сжала сильнее. Пощупала. Это было что-то плоское, прямоугольное. Что-то, что не должно быть внутри игрушки.

Я села на пол прямо там, у полки, и положила мишку на колени. В кладовке было холодно. Лампочка мигала. Я смотрела на мишку и думала: а что, если я не хочу знать? Что, если там что-то такое, что я не смогу развидеть? Что, если после этого моя жизнь не будет прежней?

Я уже знала, что она не будет прежней. Она перестала быть прежней в тот момент, когда я услышала его голос в телефоне. Так что терять было нечего.

Я взяла ножницы. Маленькие, для ногтей, которые лежали в ящике на кухне. Вернулась в кладовку, села на пол и взяла мишку в руки. Провела пальцами по шву на животе. Он был неровный, грубый, как будто его распороли и зашили заново. Я не помню, чтобы я его зашивала. Я бы запомнила. Я помню все швы, которые делала. Этот был не мой.

Я поддела нитку ножницами и потянула. Она поддалась легко, как будто её и не пришивали толком. Я развела края ткани и заглянула внутрь. Набивка — синтепон, старый, сваляв-шийся. А между слоями — что-то тёмное. Я запустила руку внутрь, по локоть, как в каком-то дурацком фокусе, и нащупала это. Плоское, гладкое, твёрдое. Я потянула.

Это был конверт.

Маленький, плотный, заклеенный. Без надписи. Я держала его в руках и смотрела на него, как на что-то живое. В кладовке было тихо. Так тихо, что я слышала, как где-то в стене капает вода. Как мигает лампочка. Как стучит моё сердце.

Я открыла конверт.

Внутри была флешка. Маленькая, чёрная, без надписи. И сложенный вчетверо лист бумаги. Я развернула его. Почерк Марка. Крупный, с нажимом, как в блокноте.

«Анна. Если ты это читаешь, значит, я не успел. Прости. Я не хотел, чтобы ты оказалась в этом. Но теперь ты в этом, и я должен объяснить. Всё, что ты знала обо мне — не вся правда. Я не тот, кем казался. Но я никогда не врал тебе о главном. Я люблю тебя. И Лизу. Это было правдой. Всё остальное — нет. На флешке — всё, что я смог собрать. Не смотри одна. Найди Ковача. Он не тот, кем кажется. И не верь...»

Дальше шла клякса. Буква, которую он начал писать, и резкий росчерк, как будто рука дрогнула. Или как будто его толкнули.

Я смотрела на этот лист и не могла дышать. «Не верь...» Кому? Маме? Ковачу? Ему самому?

Я перечитала ещё раз. Потом ещё. Я искала что-то между строк. Что-то, что объяснит мне, что происходит. Но там было только то, что было. Мой муж был не тем, кем казался. Мой муж что-то скрывал. Мой муж знал, что умрёт.

Я сжала флешку в кулаке. Маленькая, холодная. В ней было всё. Вся правда, которую он не успел сказать. И я должна была её узнать. Но он написал: «Не смотри одна».

А я была одна. Совсем одна. С семилетней дочерью, с мишкой, распоротым на коленях, и с флешкой, которая жгла ладонь.

Я посмотрела на часы. Семь утра. Лиза проснётся через полчаса. Я должна была что-то решить. Прямо сейчас.

Я встала. Спрятала конверт и флешку в карман халата. Подняла мишку, посмотрела на распоротый живот. Надо было его зашить. Лиза не должна была видеть. Лиза не должна была знать, что я вскрыла её секрет.

Я взяла иголку, нитку и села зашивать. Руки дрожали. Я попадала иголкой в палец, шипела от боли, но продолжала. Шов получился кривой, грубый. Но крепкий. Я всегда делала крепко.

Когда я закончила, Лиза уже проснулась. Я услышала, как она возится в своей комнате. Я положила мишку на место, закрыла шкаф и пошла к ней. Улыбаясь. Как будто ничего не случилось. Как будто я не держала в кармане халата флешку с правдой о моём муже.

— Доброе утро, солнышко, — сказала я.

— Доброе, — сказала она сонно. — А где мишка?

У меня внутри всё сжалось.

— В шкафу. На месте.

— А почему он кривой?

Я посмотрела на неё. Она смотрела на меня. Серьёзно. Взросло.

— Что ты имеешь в виду?

— Шов. Он кривой. Ты его зашивала?

Я выдохнула. Медленно.

— Да. Немного порвался. Я подшила.

— Ага, — сказала она и отвернулась. И больше не спрашивала.

Я стояла посреди её комнаты и чувствовала, как у меня трясутся колени. Моя дочь знала. Она всегда знала. Она знала, что в мишке что-то есть. Она знала, что я его вскрою. И она ждала. Может быть, она ждала, что я найду что-то, что объяснит ей, что происходит. Может быть, она просто ждала, когда я перестану делать вид, что всё хорошо.

Я не знала. Я вообще ничего не знала.

Ковач пришёл в обед.

Я не звала его. Он просто позвонил в дверь, и я открыла. Стоял на пороге, в том же мятом плаще, с тем же усталым лицом. Но глаза были другие. Внимательные. Как будто он знал что-то, чего не знала я.

— Анна Сергеевна, — сказал он. — Можно войти?

— Что-то случилось?

— Просто пара вопросов. Это не займёт много времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.